

Адил МИРСЕИД**Памяти Сатгара Бахлулзаде**

Среди бела дня
 глаза зажмурив, я
 вижу средь дальней синевы
 давным-давно умолкшую звезду.
 Я чаял повстречаться
 в многоголосье чайханы
 с цветущими фонтанами,
 в потоке уличной толпы,
 а вот встретились в тиши музея.
 Когда погасла дешевая сигарета
 в одеревеневших длинных пальцах твоих...
 Я бы хотел тебе надгробьем поставить
 скалы древнего Гобустана.
 Опять сегодня вновь
 промокла под дождем
 печаль, что я за пазухою прячу,
 как торбу с солью.

Композиция - 1

Окно, деревья, облако, весна.
 Картины, кисти, краски, одиночество, вино.
 В этой камерке среди картин, кистей и красок,
 трагедии, являющей хаос,
 меня себе же сделавшей врагом,
 сочится время
 с ходиком по кашле
 и кровь его, расплывшись на полу,
 сворачивается.
 В зеркале проживший чахлый век
 с пустыми надеждами человек,
 сегодня пьян от одиночества,
 и кажется ему, что в ходиках его душа,
 и стоит вдруг стать часам,
 как сразу душа улетит вон.
 Картины, краски, кисти, одиночество.
 Времени сочащаяся кровь
 на зеркале, на красках, на холсте.

Обиделся на Создателя я.
 Спаси меня, мама.

Композиция – 2

В центре города
 Полуподвал,

стен заплесневелых синь
 и зеркала овал,
 белый потолок,
 не видит это бог.
 Бутылка красного вина
 и пара райских яблок,
 и два фужера, полных
 печали, радости,
 свиданий и разлук,
 любви и черных слез судьбы,
 и амура лук.

Два хрупких хрусталя
 и пара райских яблок,
 бутылка красного вина.

Ее глаза - воздушность акварели,
 его глаза - налившийся свинец.

Композиция – 3

Я вечером похоронил себя
 в безмолвном сквере городском
 под грустною маслиной.
 Прости, маслина,
 занял часть твоей земли,
 я не хотел бы под асфальтом спать
 с открытыми и зрячими глазами.
 Я предал самого себя земле
 с зажженной сигаретой в зубах,
 и трескались зрачки мои
 за стеклами очков.

Маслина, под которой умер я,
 прости, сестра, вогнал тебя в слезу,
 ведь никого нет у меня
 в пустыне городской,
 кроме одной тебя.

* * *

Чайки, чайки,
 эти белые-белые, снежно-белые чайки,
 быть бы птицами вам
 лучшего распрекрасного мира.

Ты что сказал,
 обидев нечаянно пташ,
 пташам надо бы расти
 в лучшем прекраснейшем мире,

где бы летели деревья,
 как птицы,
 где и птицы могли бы цвести.

Воспарила душа моя снова.
 Мне бы, бедолаге, быть поэтом
 в лучшем прекраснейшем мире.

перевод автора

Гулу АГЦЕС

Точки

(Из цикла «Знаки п/трепинания»)

Имя, что не сходит с уст
 .т.о.ч.к.и.
 Вызывают костный хруст
 .т.о.ч.к.и.
 Ударяют в глаз и в бровь
 .т.о.ч.к.и.
 Заползают в мою кровь
 .т.о.ч.к.и.
 Надвигаются, как бред
 .т.о.ч.к.и.
 Не вопрос и не ответ
 .т.о.ч.к.и.
 Есть перо, письмо, и есть
 .т.о.ч.к.и.
 В небе правит Бог, а здесь
 .т.о.ч.к.и.

Боже, Боже, кто ты, что ты –
 Вопросать так – наш удел.
 В мире, созданном тобою,
 Ты остался не у дел...

Дни свои ты как проводишь,
 Мил бываешь, иль жесток?..
 Как тебя нам обездвигить,
 На какой поймать крючок?!

Не обидим, коль увидим,
 Покажи-ка нам свой лик!
 Если мы живем счастливо,
 Дай исторгнуть страшный крик!..

...Ты любим, что б ты ни делал,
 Сядь на шею, я твой раб!..
 Хоть сложил ты эти строфы –
 Грех на душу взять я рад...

Я должен был уйти, пока царил бардак,
 Родиться вновь, когда потише станет тут,
 Узнать, есть Бог иль нет, рассеяв смертный мрак,
 Ведь сказка – это ложь, и молодцы все лгут...

Мы жизни отдаем за воздуха глоток,
 А он кончается на полпути.
 Днем человек петляет...
 (нити где моток?).
 При сумерках его уже нельзя найти...

«Умираю...», – ты пишешь;
 В ладоши всем бить!
 Хорошо, что пока от любви умирают.
 И мужчина, видать, может ангелом быть,
 Пусть и ангелом смерти – он тоже из рая.

Я не знаю, счастливой тебя мне считать,
 Иль считать тебя самой несчастной на свете.
 Ты поверь, не хочу я тебя обижать,
 Потому уж давно ишу, как бы ответить.

В моем сердце ничья не появится тень,

Если там сторожит мой малыш раны рьяно.
 Ведь любовь для меня все равно – прошлый день,
 Ты любовью своей лишь назад меня тянешь.

А в ответном письме все слова вкривь и в кровь,
 Расцветают так пышно и вскорости вянут.
 Я боюсь, что умрешь, но не гинет любовь,
 Или выживешь ты, но любовь не протянет...

В песчинке каждой...

Сколько мне осталось жить
 дней, часов, скажи, о Боже?
 От тебя уже давно
 нет вестей, посылки тоже!
 Кто отрезал путь к тебе –
 путь, что тонок, словно волос, –
 Мне к каким чертям пойти,
 раздастся где твой голос?..
 И когда ж пушусь я вскачь,
 оседлав гнедого смерти? –
 Лечит он, но я взлечу,
 не достав небесной тверди.
 Полечу, мои грехи
 полетят в меня, как камни,
 Может, все же рассказать
 об ошибках, что я помню? –
 Помнишь? – Полюбил одну,
 да, она тебе знакома –
 Я не взял ее себе,
 но и не отдал другому.
 Всё смотрела вдаль она,
 как за журавлем синица;
 Выжги мне глаза, потом
 вознеси своей десницей.
 Столько раз ты посылал
 слово – пребывал я в лени,
 Сердце светом озарил,
 но глупец держался тени.
 Пил вино – не без вины –
 не тебя ведь звал, а музу,
 Созданный тобою мир
 приходился не по вкусу.
 Нет, не тронули меня
 все твои богатства, слышишь?
 Проклинал свою судьбу,
 мне дарованную свыше...
 ...Твоя милость все мои
 прегрешенья покрывает,
 Грудь мою уже давно
 от мольбы так распирает:
 Место для раскаенья
 дай мне, Господи, ведь стражду,
 Чтобы там я лишь тебя
 лицезрел в песчинке каждой!..
 Чем прикажешь, все грехи
 начисто свои там смою,
 Если хватит сил, меня
 там насыть сполна собою...

перевод Ниджата Мамедова